

ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТЕПЯХ ЮЖНОГО УРАЛА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V–IV в. ДО Н.Э.

© 2006 г. А. Д. Таиров

Челябинский государственный университет

Во второй половине V в. до н.э. во многих регионах степной Евразии происходят значительные изменения в погребальной обрядности и материальной культуре кочевого и полукочевого населения. Эти изменения отчетливо зафиксированы на материалах Южного Урала, в целом, и Южного Зауралья, в частности, при переходе от древнепрохоровского (конец VI–V в. до н.э.) к раннепрохоровскому (вторая половина V–IV в. до н.э.) этапу прохоровской археологической культуры (Таиров, 2004а. С. 5, 6) или, по традиционной периодизации, при переходе от савроматской археологической культуры к раннесарматской (прохоровской). К основным инновациям в погребальном обряде относятся появление захоронений в могильных ямах с подбоем вдоль длинной стенки, резкое увеличение количества захоронений в ямах с заплечиками, абсолютное преобладание ориентировки погребенных головой на юг с отклонениями, помещение в могильную яму передней ноги с лопаткой или части грудинки барана. Определенные изменения происходят в составе и распределении погребального инвентаря. В это время появляются новые формы клинкового оружия, зеркал, украшений и т.п. (Мошкова, 1974. С. 17; 1989. С. 30; Смирнов, 1975. С. 157, 159, 162; Железчиков, 1997. С. 80–84; Гуцалов, 2003. С. 181; Лылова, 2001. С. 133, 134).

На наш взгляд, инновации, фиксируемые в погребальном обряде и инвентаре кочевников Южного Урала, связаны не только с дальнейшим развитием общества, его внутренними изменениями, но и с притоком нового населения с востока. С этим населением можно связать, в частности, появление подбойных захоронений с южной ориентировкой погребенных. Отметим, что ни в Южном Зауралье, ни в Южном Приуралье погребений в подбоях, датированных концом VI – первой половиной V в. до н.э. практически нет (Гуцалов, 2000. С. 120). Территорией, где традиция совершения погребений в могильных ямах с подбоем и катакомбах сохранялась на протяжении всей первой половины I тыс. до н.э., является Северный и Северо-Западный Китай. Причем обычай захоронения в подбоях – один из признаков особой культурной общности, существовавшей в этом регионе (Заднепровский, 1993. С. 38; 1997. С. 75, 77; Варенов, 1995. С. 124, 125). Анализируя распространение в

Восточном Туркестане различных типов погребальных сооружений, Б.А. Литвинский отметил, что ареал захоронений в подбоях совпадает с территорией обитания юечжей (Восточный Туркестан..., 1995. С. 259). С юечжами связывают погребения в подбоях и другие исследователи (Мандельштам, 1978. С. 140, 141; Заднепровский, 1997. С. 89, 90; Вайнберг, 1999. С. 248, 249). В свое время Ю.А. Заднепровский высказал предположение о возможности увязки катакомбных памятников с усунями (1975. С. 167). Напомним, что усунь первоначально также обитали в Восточном Туркестане по соседству с юечжами.

По нашему мнению, Северный и Северо-Западный Китай и Западная Монголия являлись также исходной территорией распространения клинкового оружия со сломанным под тупым углом, дуговидным и прямым перекрестием. Среди разнообразных перекрестий бронзовых кинжалов из этого региона есть перекрестия в виде бруска, изломанного под прямым углом, дуговидные с приподнятыми окончаниями, узкие бабочковидные, приближающиеся по форме к сломанному под тупым углом, а также сломанные под тупым углом. Датируются они, как правило, в пределах VII–V вв. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998. С. 24, 25. Рис. 1, 7, 11, 15, 16; Maoqinggou, 1992. Abb. 13, 3; 22, 1; Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986. С. 5, 6, 13). Такие же кинжалы, чаще всего с навершием в виде противопоставленных голов хищных птиц, встречены в Минусинской котловине, Туве и на Алтае (Maoqinggou, 1992. Abb. 56). Прямые перекрестия известны в Северном Китае еще с раннесакского времени (Maoqinggou, 1992. Abb. 45, A, I, B, I). Отсюда же происходят и железные кинжалы со сломанным под тупым углом перекрестием и кольцевым, овальным или слегка изогнутым брусковидным навершием, датированные в пределах V–III вв. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998. С. 24, 25. Рис. 1, 9, 10; Maoqinggou, 1992. Abb. 4, 4; 18, 3; 19, 19). Возможно, центральноазиатские истоки имеют также некоторые типы зеркал и ювелирных украшений.

Вероятно, Северный и Северо-Западный Китай (Восточный Туркестан) явились исходной территорией миграции ряда кочевых племен в урало-казахстанские степи, в основном на Южный Урал. Первое, по всей видимости, наиболее массовое пе-

реселение различных групп родственных племен из этого региона, но, скорее всего, Восточного Туркестана, осуществлялось несколькими последовательными волнами на протяжении достаточно короткого промежутка времени в пределах, скорее всего, третьей четверти V в. до н.э. В дальнейшем, на протяжении IV в. до н.э., эти миграции уже имели менее массовый характер. На запад, главным образом на Южный Урал, уходили небольшие родовые подразделения, которые вливались в среду родственных племен.

В ходе первого этапа миграции третьей четверти V в. до н.э. основная масса кочевого населения шла через Семиречье на Южный Урал, вливаясь по ходу своего движения в среду местных кочевников (курган Иссык). Небольшая же часть переселенцев из Восточного Туркестана, отколовшись от основного массива, передвинулась на север – в степь и лесостепь Обь-Иртышья (Боталов, 2003. С. 106; Таиров, 2004б. С. 53, 54). Возможно, что отдельные группы кочевников Восточного Туркестана вошли в состав кочевников Северного Казахстана, привнеся туда “сарматские” элементы в погребальной обрядности и инвентаре.

Переселенцы с востока принесли на Южный Урал новые формы инвентаря, включая оружие (мечи и кинжалы “переходных” и “раннесарматских” форм), украшения, зеркала различных типов, в том числе с длинной ручкой и циркульным орнаментом на оборотной стороне диска, некоторые образцы звериного стиля. С этим передвижением следует связывать появление в южноуральских степях захоронений в подбоях с меридиональным расположением погребальной камеры, в могильных ямах с заплечиками, южной ориентировки погребенных. На Южном Урале пришельцы довольно быстро и органично слились с местным населением, заняв ведущие позиции в общественной жизни. Привнесенная ими традиция захоронений в подбоях с южной ориентировкой покойников нашла на Южном Урале благодатную почву, тем более что выделение южной ориентировки как маркера высокого социального, прежде всего воинского и жреческого, статуса происходила здесь и ранее (Таиров, Гаврилук, 1988. С. 151). Таким образом, подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенных, являясь первоначально показателем принадлежности к определенному этносу, очень быстро стали своеобразным маркером высокого социального статуса в среде кочевников Южного Урала. Инновации в погребальном обряде и инвентаре, привнесенные мигрантами с востока, продолжали развиваться на протяжении всего раннесарматского времени. Процесс этот стимулировался притоком новых немногочисленных групп кочевников Восточного Туркестана, принесших, в частности, обряд захоронения в катакомбах, где погребальная камера является продолжением входной ямы. Приход в Южное Зауралье

кочевых родов с востока имел своим следствием и зарождение традиции центрически-круговой планировки погребений под курганной насыпью, получившей свое развитие позднее и уже на другой территории – в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье (Таиров, 2004в. С. 126, 127).

В конце V–начале IV в. до н.э. Южное Зауралье вследствие резко наступившей аридизации вступает в эпоху экологического кризиса (Таиров, 2003. С. 50). В этих условиях передвижение в южную лесостепь гороховского населения привело, по-видимому, к обострению демографической ситуации в Южном Зауралье – перенаселенности, что, в конечном счете, и предопределило передвижение части южнозауральских кочевников и вошедших в их состав лесостепных зауральских племен. В начале IV в. до н.э. оно было направлено, главным образом, на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Очевидно, переселения продолжались и в дальнейшем, на протяжении всего IV в. до н.э., возможно, постепенно затухая. Новый массовый приток южнозауральских кочевников в степи Южного Приуралья произошел, вероятно, в последней четверти IV в. до н.э. Вызван он был не столько продолжающимся ухудшением экологической обстановки, сколько нестабильной политической ситуацией на южных границах их расселения, связанной со среднеазиатским походом Александра Македонского и последовавшими за ним процессами. Эти события вызвали определенные подвижки в кочевом мире и стимулировали активное проникновение южнозауральских кочевников не только на запад, в Южное Приуралье, но и на юг, в Среднюю Азию (Таиров, 2000. С. 22; 2002. С. 143–145). Однако на рубеже IV–III вв. до н.э. южнозауральские мигранты, количество которых уже вряд ли было велико, уходят не в степи Южного Приуралья, а в степное Заволжье и в степную и лесостепную Приуральскую Башкирию. Сюда в это же время устремляется и основная масса приуральских кочевников, носителей уже сформировавшейся прохоровской культуры (Таиров, 2000. С. 21, 22; Гуцалов, 2003. С. 180, 185).

Этнокультурные трансформации, протекавшие во второй половине V–IV вв. до н.э. в степях Южного Урала, оказали значительное воздействие на население сопредельных территорий, в том числе Южного Приуралья и Устюрта. Наиболее раннюю группу памятников кочевников Устюрта, суммарно датируемую VII–IV вв. до н.э., составляют курганы с каменными ящиками на древнем горизонте (Ягодин, 1976. С. 47). Период культуры погребений на горизонте под курганной насыпью (в каменном ящике, или в пределах каменного кольца, или спирали, или в склепах на горизонте для многоактных захоронений) датируется V–II вв. до н.э. Памятники культуры распространены в Закаспии, по

Узбою, всему Устюрту и Мангышлаку (Мандельштам, 1976; 1983; Древняя и средневековая культура..., 1978. С. 187–189; Юсупов, 1986. С. 136; Ягодин, 1991. С. 127; Ольховский, Галкин, 1990. С. 199, 200; Вайнберг, 1999. С. 139). Это культура скотоводческих племен, кочевавших, используя плато Устюрт и прилегающие к нему районы как пастбищные и зимовочные территории (Ягодин, 1991. С. 128). Происхождение данной группы памятников связано, очевидно, с сакскими племенами Южного Приаралья, обитавшими в предшествующее время на территории Присарыкамьшской дельты Амударьи.

Кочевники присарыкамьшского историко-этнографического района в доахеменидское время вряд ли были однородны в хозяйственном отношении (Яблонский, 1992. С. 21). Часть их, вероятно, имея зимовья в Присарыкамьше, на лето уходила в степи Южного Приуралья. Часть кочевала по Устюрту, имея в Присарыкамьше лишь зимовочные территории. Часть вела полукочевую образ жизни, не выходя за пределы региона. После политических событий второй половины VI в. до н.э. в Средней Азии, связанных с завоевательной политикой Ахеменидской державы, присарыкамьшская группировка кочевников раскололась. Одни из них связали свою судьбу с Хорезмом – это были, прежде всего, полукочевники, носители куюсайской культуры, хозяйство которых было наиболее связано с Присарыкамьшем. И в ахеменидское время поселения куюсайской культуры здесь сосуществуют с памятниками кюзелигырской культуры (Яблонский, 1998. С. 46; Вайнберг, 1991. С. 20). Другие же, не желая подчиниться Хорезму и Ахеменидам, вынуждены были изменить места своих основных зимних пастбищ, передвинув их на запад – на Устюрт и Мангышлак¹, где в этот период в условиях высокой увлажненности господствовали степные и сухостепные ландшафты (Глушко, 1996. Рис. 2). Таким образом, плато Устюрт и прилегающие к нему районы (Узбой, Закаспий, Мангышлак) стали использоваться не только как летние пастбищные территории, но и как зимовочные. Данная группа кочевников в новую эпоху сохранила в своей погребальной обрядности ряд признаков обрядности предшествующего, раннесакского, времени. Это, во-первых, возведение погребального сооружения на древнем горизонте. Во-вторых, сооружение коридорообразных входов-дромосов, ведущих в погребальные камеры. В-третьих, обычай, допускающий частичное или даже полное разрушение относительно более ранних захоронений при совершении последующих. В-четвертых, сооружение специальных каменных

валиков, иногда двойных, ограничивающих места захоронений (Яблонский, 1996. С. 18–29). Не исключено, на наш взгляд, и то, что на распространении в Восточном Прикаспии наземных склепов с коридорообразными входами определенное воздействие оказали южноуральские кочевники. Последние уже с конца VI в. до н.э. широко использовали в своей погребальной обрядности дромосные могилы, в том числе и для коллективных захоронений.

В то же время, на Устюрте параллельно культуре погребений на горизонте под курганной насыпью в V–II вв. до н.э. существовала и другая археологическая культура – “савромато-сарматская в том ее варианте, который известен в науке как самаро-уральская группа или область” (Ягодин, 1991. С. 128). Об этом свидетельствует чрезвычайная близость погребальных памятников Устюрта и Южного Приуралья. Это погребения: в подбое с южной ориентировкой покойника; в широкой прямоугольной грунтовой яме, ориентированной широтно или меридионально, в центре подквадратного или круглого каменного сооружения на древнем горизонте; в узкой грунтовой яме с каменным кольцом на древнем горизонте; в яме с заплечиками (Древняя и средневековая культура..., 1978. С. 190–193; Ягодин, 1982. С. 77, 78). Исследованы здесь, в могильнике Дэвкескен 4, и коллективные многоактные погребения V–рубежа V–IV в. до н.э. в обширных могильных ямах, часто с дромосами (Вайнберг, 1999. С. 151). На наш взгляд, данная группа памятников оставлена кочевниками Южного Приуралья, использовавшими Устюрт в качестве зимовочных территорий (Таиров, 1993. С. 15–17)².

Особенно ощутимым присутствием южноуральских кочевников на Устюрте становится с начала IV в. до н.э. И связано это, скорее всего, с политическими событиями на южной границе кочевого мира в Приаралье и, прежде всего, в Хорезме. Здесь необходимо лишь подчеркнуть, что кочевая степь и Хорезм представляли собой единую экономическую систему, а в основе тесных взаимосвязей кочевников Южного Приуралья и Хорезма лежит “сарматский кочевой цикл” или, шире, пастбищно-кочевая система Урало-Аральского региона (Ягодин, 1979. С. 37; 1982. С. 78).

В конце VI в. до н.э. Хорезм и часть кочевников между Аралом и Каспием вошли в состав одной из сатрапий персидской державы. Политика Ахеменидов в отношении кочевников была, по всей вероятности, достаточно жесткой. Не исключено, что именно этим объясняется нежелание части кочевников признать господство персов и перенесение

¹ После VI в. до н.э. в Южном Приаралье уже не встречается захоронений на поверхности древнего горизонта, да и погребальные комплексы скотоводческого населения, которые достаточно уверенно можно датировать в пределах V в. до н.э., пока не обнаружены (Яблонский, 1999. С. 46).

² Судя по данным этнографии, кочевники могли хоронить своих умерших в различных местах на территории кочевания. У тувинцев, например, умершие члены одной семьи могли быть похоронены в зависимости от времени года на родовых территориях, вблизи зимних или летних кочевий (Дьяконова, 1980. С. 116).

ими центра своего племенного объединения (и родовых могильников) на север, в степи Приуралья. Однако восстания в покоренных областях и мятежи сатрапов вели к ослаблению Ахеменидского государства. В этих условиях при Артаксерксе II (404–359 гг. до н.э.) Хорезм, ранее в административном отношении объединенный с Парфией, становится отдельной сатрапией Ахеменидского государства (Пьянков, 1965. С. 42). Это преобразование имело своим следствием строительство укрепленного центра новой административной единицы с дворцом сатрапа. Этим центром, вероятно, должно было стать городище Калалыгыр, строительство которого развернулось на рубеже V–IV вв. до н.э. (Вайнберг, 1991. С. 23). Однако персы, видимо, запоздали с учреждением Хорезмийской сатрапии. Хорезм отпадает от Ахеменидов, добившись независимости. Персы вынуждены были уйти из страны, бросив недостроенным свой город (Рапопорт, 1987. С. 141, 142). Хорезм, Согдиана и сакские племена к концу царствования Артаксеркса II из подданных царя переходят в разряд его союзников (Дандамаев, 1985. С. 248).

Добиться независимости Хорезм мог, вероятно, только опираясь на поддержку кочевых племен, также стремившихся к независимости. Это, скорее всего, вызвало изменение его взаимоотношений с кочевниками: из противников они должны были стать союзниками³. Необходимость союза обусловила, вероятно, то, что Устюрт, это традиционное место зимних стойбищ южноприуральских кочевников, стал относительно безопасным районом. Возможно, Хорезм, стремясь заручиться поддержкой воинственных номадов, предоставил им и определенные гарантии безопасности. Результатом этого стало возможное появление в начале IV в. до н.э. погребальных памятников кочевников, в том числе и приуральских, на Восточном чинке Устюрта, рядом с хорезмийским городищем Большая Айбугир-кала, которое являлось главным опорным пунктом торговли Хорезма с кочевниками Южного Приуралья (Ягодин, 1982. С. 76–78).

С середины IV в. до н.э., в связи с передвижением в Южное Приуралье части номадов Южного Зауралья масса кочевников, зимующих на Устюрте, возрастает. Кроме того, относительная перенаселенность в степях Южного Приуралья определила миграцию населения этого региона не только на запад, прежде всего в Нижнее Поволжье, но, очевидно, и на Устюрт, природные условия которого благоприятствовали развитию здесь кочево-

³ Отметим в этой связи, что, согласно Арриану, правитель Хорезма Фарасман прибыл на переговоры с Александром Македонским "с конницей в полторы тысячи человек". Курций Руф же сообщает, что "Фратаферн, стоявший во главе Хорезма, объединившись с соседями по области массагетами и дахами, также послал людей уверить царя в своей покорности..." (Гаибов, Кошеленко, 2005. С. 116, 122).

го скотоводства (Глушко, 1996. С. 30–35; Таиров, 2003. С. 42, 43).

Миграция из степей Южного Приуралья на Устюрт привела к значительному увеличению кочевого населения, постоянно обитающего между Каспием и Аралом. В конце IV в. до н.э. или на рубеже IV–III вв. до н.э. на Устюрте, в левобережном Хорезме и в Прикарабагазье появляются целые могильники с захоронениями в подбоях с южной и северной ориентировкой погребенных, в катакомбах с южной ориентировкой покойников, в простых ямах с меридиональной ориентировкой. Их широкое распространение свидетельствует, как считает Б.И. Вайнберг, "об одновременном продвижении из Приуралья в Восточный Прикаспий и левобережный Хорезм особой группы населения", которую она называет "юечжи", впрочем, не вкладывая в это название конкретного этнического содержания. Эта группа, по ее мнению, мигрировала с территории, получившей в литературе названия коридора Хеси, или Ганьсуйского (провинция Ганьсу в современном Китае), в Южное Приуралье. Отсюда она через плато Устюрт проникает в левобережный Хорезм и в Восточный Прикаспий (Вайнберг, 1999. С. 241–249). Соглашаясь в целом с выводами Б.И. Вайнберг, мы, однако, считаем необходимым внести в них некоторые свои коррективы. Во-первых, вне всякого сомнения, исходная территория миграции данной группы восточных кочевников находилась где-то в районах Северного Китая или, что более вероятно, Восточного Туркестана. Во-вторых, судя по материалам погребальных памятников Южного Урала, миграция восточных кочевников в этот регион произошла, как мы уже указывали, скорее всего в третьей четверти V в. до н.э. И, наконец, в левобережном Хорезме появляются уже не восточные кочевники ("юечжи"), а ранние сарматы Южного Урала, носители прохоровской культуры, в окончательном сложении которой и приняли участие эти мигранты с востока, на что, кстати, указывает и Б.И. Вайнберг (1999. С. 247).

Возрастание роли кочевников в Арало-Каспийском регионе особенно наглядно проявляется в событиях, связанных с покорением севера Средней Азии Александром Македонским. Активное участие в них кочевого населения хорошо фиксируется античными источниками. Без союза с кочевниками сопротивление завоевателям оказывалось бы с самого начала обреченным на поражение (Гафуров, Цибукидис, 1980. С. 235–268; Маршак, Распопова, 1989. С. 419). Усиление кочевников и возрастание их политического влияния в Средней Азии способствовало тому, что они стали чувствовать себя полными хозяевами пространств между Аралом и Каспием, не опасавшимися за свои родовые могильники. В этой обстановке на Устюрте, но все же довольно далеко от Хорезма, возникают комплексы байтинского типа. Наличие здесь, помимо

курганов, культовых сооружений в виде выкладок, жертвенников и настоящих храмов, а также большого количества антропоморфных изваяний дает основание рассматривать их как святилища. Эти святилища имели ярко выраженный воинский характер и были, очевидно, связаны с культом героизированных предков и военных вождей (Ольховский, Галкин, 1990. С. 205; Ольховский, 1997. С. 72–74; 1999. С. 70, 74, 76).

Следует отметить, что в IV–III вв. до н.э. в северной части Восточного Прикаспия наряду со святилищами байтинского типа (Устюрт и Мангышлак) возникают также святилища дыкылтасского типа (Мангышлак). Характерной чертой памятников типа Дыкылтас являются каменные менгириобразные стелы. На всех же святилищах байтинского типа, в отличие от святилищ дыкылтасского типа, обнаружены антропоморфные каменные скульптуры (Дженито и др., 2000. С. 9–12). Как представляется, дыкылтасский тип святилищ можно связать с культурой погребений на горизонте (Самашев, Ольховский, 1996. С. 219; Загородный и др., 1994. С. 64–66; Дженито и др., 2000. С. 9–11). Культовые комплексы, предшествующие и одновременные дыкылтасским святилищам, исследованы также на Узбое и в Северо-Западной Туркмении. На Узбое они датируются V–II вв. до н.э. (Ичянлыдепе) (Юсупов, 1984. С. 56). В Северо-Западной Туркмении в центре горного массива Большой Балхан изучен комплекс Гарраулдепе, очень близкий конструктивно святилищу Дыкылтас, но функционировавший с VII–VI вв. до н.э. по II в. до н.э. (Вайнберг, 1999. С. 141–145). Байтинский тип святилищ связан, очевидно, с кочевниками Южного Приуралья. Явную “сарматоидность” кочевых племен, оставивших святилища типа Байте III, отмечают большинство исследователей (см., напр.: Ольховский, Яценко, 2000. С. 307, 308; Железчиков и др., 1995. С. 76, 77).

Истоки традиции изготовления каменных статуй святилищ байтинского типа следует искать, скорее всего, в среде южноуральских номадов. Обычай устанавливать в курганных могильниках каменные монументы в степях Южного Урала существовал с середины VI по конец IV в. до н.э. На Устюрте каменные антропоморфные скульптуры появляются с конца V в. до н.э. Причем наиболее ранние устюртские изваяния по своим морфологическим и иконографическим особенностям и предметному репертуару весьма близки южноуральским (Таиров, Гуцалов, 2001. С. 161–164). Появление же самих святилищ, на наш взгляд, связано с тем, что в течение IV в. до н.э. в обществе ранних кочевников Южного Урала происходит переход от сетевой политико-экономической стратегии к корпоративной (Таиров, 2004в. С. 127–129). Наиболее же наглядным свидетельством корпоративной стратегии как раз и является строительство монументальных публичных сооружений, симво-

лизирующих объединение в целом и предназначенных для участия широких масс населения в общих ритуалах (Ковалевски, 2000. С. 179–181; Уасон, Балдиа, 2000. С. 230). Вероятно, именно с изменениям политико-экономической стратегии в обществе ранних кочевников Южного Урала связано возникновение на Устюрте комплексов байтинского типа.

Многоактные захоронения в подземных склепах (ямы с дромосом) конца V–III в. до н.э., сходные по существу с узбойскими, открыты и на территории Присарыкамьшской дельты (Яблонский, 1999. С. 12–20, 34, 47). Отличие присарыкамьшских склепов от узбойских состоит в использовании подземных конструкций и в отсутствии предметов вооружения среди погребального инвентаря. Помимо коллективных захоронений в подземных склепах, здесь же, иногда в тех же могильниках (Сакар-чага 1), исследованы и захоронения IV–II вв. до н.э., или второй половины IV–II в. до н.э., в узких прямоугольных ямах и ямах с подбоями (Сакар-чага 2, ранняя группа погребений могильников Тарым-кая и Туз-гыр). Причем в этой группе встречены как одиночные и парные, так и коллективные многоактные захоронения. Ориентировка погребенных различна, включаю южную, при преобладании северной. Для погребенных в простых ямах и ямах с подбоями, так же как и для захоронений в подземных склепах, характерно почти полное отсутствие предметов вооружения (Яблонский, 1999. С. 20–26, 34, 36; Трудновская, 1979). По мнению Л.Т. Яблонского (1999. С. 36), все эти погребения (в ямах с дромосами, узких прямоугольных ямах, ямах с подбоями) оставлены местным полуоседлым скотоводческим населением, находившимся в зависимости от государственно-административных структур Хорезма.

Коллективные захоронения в ямах с дромосами (подземные склепы) Присарыкамьшья, имея сходство по существу с узбойскими, тем не менее наиболее близки южноуральским погребальным комплексам этого типа (Яблонский, 1999. С. 47, 48). Но если на Южном Урале коллективные погребения в ямах с дромосами датируются в пределах конца VI–IV в. до н.э., то в Южном Приуралье они появляются не ранее конца V в. до н.э. Одновременно с появлением дромосных могил в Присарыкамьше появляется круглодонная керамика, неизвестная на территории Хорезма в предшествующее время и имеющая полные аналогии в южноуральских памятниках V–IV вв. до н.э. Появляется и обычай помещения с погребенным заупокойной пищи в виде сочлененной с лопаткой передней ноги барана (Яблонский, 1999. С. 15, 19, 103). Все это наводит на мысль о том, что данный тип погребальных сооружений в Южном Приуралье мог появиться в результате оседания здесь беднейшей части кочевников Южного Урала. Пришлый характер населения, оставившего в Присарыкамьше

дромосные могилы с многоактными захоронениями, отмечает и Б.И. Вайнберг. По ее мнению, промежуточным пунктом на пути движения этой группы населения с “сарматской” территории в левобережный Хорезм являются подобные погребальные сооружения V – рубежа V–IV вв. до н.э. Устюрта (Девкескен 4) (Вайнберг, 1999. С. 151).

С процессом оседания на границах Хорезма части южноуральских номадов следует, очевидно, связывать и появление в Присарыкамьше ранних, IV–II вв. до н.э., подбойных захоронений (Яблонский, 1999. С. 102). Пришлый характер кочевников, переселившихся в левобережный Хорезм через Устюрт из Южного Приуралья на рубеже IV–III вв. до н.э. и оставивших курганы с подбойно-катакомбными захоронениями, отмечает и Б.И. Вайнберг (1997. С. 34; 1999. С. 161, 163). Вскоре после прихода в оазис низовьев Амударьи выходцы из этой группы кочевников захватывают власть в Хорезме и основывают свою династию. С конца II в. до н.э. или рубежа II–I вв. до н.э. эта кочевая династия чеканит собственную монету. Причем тамги на ее монетах близки тамгам на монетах правителей Согда (Самарканда и Бухары) этого же времени. Тамги такого же типа известны в Юго-Западной Монголии, на Устюрте (святилище Байте III) и в Северном Причерноморье (Вайнберг, 1999. С. 251, 252; Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 69–71; Ольховский, Яценко, 2000. С. 303, 304, 306, 307). В этой связи отметим, что в Южном Приуралье в кургане середины V в. до н.э. Имангазы-Карасу II найдена каменная плита с тамгообразным знаком в виде круга и отходящего от него горизонтально Г-образного “отростка” (Гуцалов, Таиров, 2000. С. 227. Рис. 8, 8). Аналогичный знак встречен на стеле из комплекса Дыкылтас (Самашев, Ольховский, 1996. Рис. 6) и на плитах засыпки главной культовой конструкции на святилище Байте III. Аналогичные знаки известны в Центральной и Восточной Монголии (Ольховский, Яценко, 2000. Илл. 3; 4, 1; Яценко, 2001. Рис. 35, 123–125, 191).

О возможности оседания номадов Южного Урала на границах Хорезма говорят и данные антропологии. По мнению Л.Т. Яблонского, “данные краниологии со всей определенностью свидетельствуют об общем (на высоком таксономическом уровне) происхождении сарматских и присарыкамьшских популяций кангюйской эпохи. При этом географическая прародина общего краниологического комплекса лежит за пределами Южного Приуралья и располагается, вероятно, в степях Приуралья и Зауралья савроматского времени”. “Данные антропологии... говорят о более чем вероятной принадлежности сакар-чагинцев к популяции “восточного” приуральского типа савромато-сарматского времени” (Яблонский, 1999. С. 102, 103). Заслуживает внимания и предположение Л.Т. Яблонского о том, что в составе южно-

уральских номадов, осевших в Присарыкамьше, были выходцы из зауральской лесостепи (1999. С. 103). Об этом может свидетельствовать не столько конструктивная близость сакар-чагинских склепов и жилищ лесостепного Зауралья (Яблонский, 1999. С. 48, 49), сколько, на наш взгляд, широкое распространение ориентировки погребенных в северный сектор (Яблонский, 1999. С. 17, 22).

Миграция кочевников Южного Приуралья к границам Хорезма и их оседание здесь, как совершенно справедливо отмечает Л.Т. Яблонский (1999. С. 101), имела постепенный и спорадический, волнообразный характер. Этому оседанию способствовали не только далеко зашедшее в их среде социальное расслоение, но и, вероятно, протекционистский характер политики Хорезма по отношению к кочевникам в поздней и послеахеменидское время. Вполне вероятно, что Хорезм использовал этих скотоводов как воинский контингент на своих границах. Кроме крепостей в скотоводческой зоне левобережного Хорезма являются специальные ремесленные поселения, существовавшие с IV–III вв. до н.э. по IV в. н.э. Производимая на них продукция использовалась в качестве платы кочевникам за воинскую службу (Вайнберг, 1999. С. 166; Вайнберг и др., 1998. С. 34, 35). Очевидно, определенная часть производимой на этих поселениях ремесленной продукции поступала и на пограничные рынки, открытые для торговли с кочевой степью, не зависящей политически от Хорезма. Нельзя также не учитывать и экологический фактор. Концентрация значительных масс населения в Южном Приуралье на фоне начавшейся аридизации привела к оттоку уже в IV в. до н.э., но особенно на рубеже IV–III вв. до н.э., южноприуральских номадов не только на запад, но и на юг, в частности в Присарыкамьше (Яблонский, 1999. С. 101). Осев на границах Хорезма и став структурной частью системы хорезмийской государственности, эти скотоводы находились уже в непосредственной политической зависимости от государственных институтов власти (Яблонский, 1999. С. 49; Вайнберг, 1999. С. 165). Следует подчеркнуть, что осевшие скотоводы жили внутри границ Хорезмского оазиса. От кочевого мира с запада их отделяла система пограничных крепостей, таких как Канга-кала, Бутентау I и II, ранний Дев-кескен и др. Время их возведения – рубеж V–IV вв. до н.э. – IV в. до н.э. (Вайнберг, 1991. С. 44–46, 62; Ягодина, 1988. С. 504).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ “Урало-Аральские этнокультурные взаимодействия в эпоху поздней бронзы и раннего железа (I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.), проект № 05-01-85105а/У”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боталов С.Г.* Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1 (13).
- Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70-х – 80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. 1. М., 1991.
- Вайнберг Б.И.* Экология Приаралья в древности и средневековье // ЭО. 1997. № 1.
- Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1999.
- Вайнберг Б.И., Глушко Е.В., Цвезинская Е.А.* Ландшафтно-археологические исследования эволюции Присарыкамьшской дельты Амударьи с использованием дистанционных методов // РА. 1998. № 1.
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
- Варенов А.В.* Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Тез. научно-практич. конф. Барнаул, 1995.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье – хозяйство, материальная культура. М., 1995.
- Гаиров В.А., Кошеленко Г.А.* Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (данные письменных источников) // ВДИ. 2005. № 1.
- Гафуров В.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
- Глушко Е.В.* Цикличность ландшафтообразования Южного Приаралья в голоцене // География и природные ресурсы. 1996. № 4.
- Гуцалов С.Ю.* Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.
- Гуцалов С.Ю.* Кочевники Южного Урала в конце V–III вв. до н.э. // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана, 2003.
- Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д.* Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.
- Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.-П.* Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.
- Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
- Дьяконова В.П.* Тувинцы // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.
- Железчиков Б.Ф.* Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М., 1997.
- Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С.* Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Учебн. пособие. Волгоград, 1995.
- Загородний А.С., Исмагилов Р.Б., Самашев З.С.* Могильник Дыкылташ на Мангышлаке // Тез. докл. междунар. конф. “Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья”. Ч. II. Запорожье, 1994.
- Заднепровский Ю.А.* Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. – VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). Фрунзе, 1975.
- Заднепровский Ю.А.* Подбойные погребения Центральной Азии: к вопросу об этнической атрибуции памятников юечжей // Вторая Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар, 1993.
- Заднепровский Ю.А.* Древние номады Центральной Азии (сборник статей) // Археологические изыскания. № 40. СПб., 1997.
- Ковалевски С.* Циклические трансформации в североамериканской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Лылова Е.В.* Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // АПО. 2001. Вып. V.
- Мандельштам А.М.* К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. 1976. Вып. 147.
- Мандельштам А.М.* Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Мандельштам А.М.* О “впускных” погребениях в курганах эпохи бронзы Закаспия // КСИА. 1983. Вып. 176.
- Маршак Б.И., Распопова В.И.* Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мошкова М.Г.* Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Научн. докл., представленный в качестве дис. ... докт. ист. наук. М., 1989.
- Ольховский В.С.* Древние святилища Устюрта: контакт и конфликт культур // Наука в России. 1997. № 6.
- Ольховский В.С.* Каменные храмы Устюрта // Наука в России. 1999. № 4.
- Ольховский В.С., Галкин Л.Л.* Культурный комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. 1990. № 4.
- Ольховский В.С., Яценко С.А.* О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.
- Пьянков И.В.* “История Персии” Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 2.
- Рапопорт Ю.А.* Святилище во дворце на городище Калалыгыр I // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.

- Самашев З.С., Ольховский В.С.* Стелы Дыкылтаса (Западный Казахстан) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975.
- Таиров А.Д.* Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в I тыс. до н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- Таиров А.Д.* Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Мат. IV Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000.
- Таиров А.Д.* Кочевники Южного Зауралья и Средняя Азия в конце IV–II вв. до н.э. // Вестн. Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2002. № 1.
- Таиров А.Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.
- Таиров А.Д.* Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Краснодар, 2004а.
- Таиров А.Д.* К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004б.
- Таиров А.Д.* О трансформации погребальной обрядности в раннепрохоровское время // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Мат. II региональной научно-практич. конф. Челябинск, 2004в.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г.* К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.
- Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю.* О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.
- Трудновская С.А.* Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI. М., 1979.
- Тянь Гуанцинь, Го Сусинь.* Ордосские бронзы. Пекин, 1986 (на кит. яз).
- Уасон П., Балдия М.* Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Чжун Сук-Бэ.* Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир. Мат. 6-го археологич. семинара. Ч. 1. Краснодар, 1998.
- Юсупов Х.* Ранний железный век Северной Туркмении // Ранний железный век Средней Азии и Индии. Тез. докл. членов советской делегации на первом советско-индийском симпозиуме. Ашхабад, 1984.
- Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
- Яблонский Л.Т.* Скифо-сакская контактная зона: проблема типологизации этногенетических процессов // Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь. Сб. тез. семинара. М., 1992.
- Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.
- Яблонский Л.Т.* Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА. 1998. № 4.
- Яблонский Л.Т.* Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М., 1999.
- Ягодин В.Н.* Устюрт и Приаральская дельта (некоторые итоги археологических исследований 1971–1975 гг.) // Общественные науки в Узбекистане. 1976. № 11.
- Ягодин В.Н.* Хорезм и ранние кочевники Устюрта // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. всесоюз. науч. совещ. Ташкент, 1979.
- Ягодин В.Н.* Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Вып. I. Ташкент, 1982.
- Ягодин В.Н.* Исследования на плато Устюрт // АО-1986. 1988.
- Ягодин В.Н.* Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. Вып. V. Ташкент, 1991.
- Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Maoqinggou.* Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 50. Mainz a. R., 1992.

Ethno-cultural processes in the South Uralian steppes in the second part of the 5th–4th cc. BC

A. D. Tairov

Summary

The transition from the Savromatian to the early Sarmatian archaeological culture is marked by essential changes in burial rite, repertoire and distribution of funerary gifts. These phenomena are related not only to the in-society shifts in the communities of the early nomads of the South Ural region, but with the inflow of population from the territories situated farther eastward – Northern and North-Western China. The first large migration from this region occurred in the third quarter of the 5th c. BC. Later on, during the whole 5th c. BC migrations were of less mass character. In the early 4th c. BC starts movement of the early nomads from the South Transurals to the territory west from the South Urals. Population growth in the region was accompanied by the complications in environmental conditions, these events caused migration of the South Uralian nomads both in westerly and southerly directions, the latter moved to the Ustyurt plateau. Parallel process of the nomads' settling within the fringe of Khorezm and their involvement into the Khorezm state system is registered.